

ДНЕВНИК М. В. ОСТРОВСКОЙ

Сообщение А. И. Ревякина

Мария Васильевна Островская, жена драматурга (см. о ней в кн. 1 настоящ. тома, стр. 77—201), кончила московскую театральную школу 16 февраля 1863 г., в возрасте 18 лет. Происхождение Марии Васильевны неизвестно. В театральной школе она числится воспитанницей Московского воспитательного дома и носит фамилию Васильевой. Все годы ее пребывания в театральной школе плату за обучение и содержание вносит некая мешанка Наталья Александровна Подат(?)чина. А между тем ее родные братья — Бахметевы.

16 мая 1863 г. Мария Васильевна принята в драматическую труппу Малого театра с оплатой 300 р. в год и играет второстепенные роли. В делах конторы имп. московских театров имеются ее прошения об отпусках в Петербург в 1868 г. и в Щельково в 1869 г. (ЦГАЛИ, ф. 659, оп. 3, ед. хр. 584). Она оставила театр, по-видимому, в 1874 г.

Мария Васильевна привлекала внимание своим ярко выраженным южным (цыганским) внешним обликом, любила петь цыганские песни. По характеру она — сложный человек. Темпераментной, жизнерадостной, энергичной, ей не были чужды проявления доброты и гуманности, но она легко раздражалась и в этом состоянии не всегда сохраняла справедливость. Это служило причиной семейных размолвок.

Дневник М. В. Островской — не оригинал, а копия. Вернее, это отрывки из ее дневника, переписанные чужой рукой (ГЦТМ, ф. 200, № 3558). Они раскрывают тяжелое душевное состояние Марии Васильевны после смерти Островского.

Ниже мы приводим несколько фрагментов из дневника М. В. Островской.

День смерти моего нецененного мужа и учителя.

Мой дневник 1886* года. Мне 40 лет.

2 июня 1886*. День великой скорби для меня.

Ах, если бы кто-нибудь мог закрыть от меня будущее: зачем оно всегда тут, передо мной. Я вижу все, кроме счастья, я никогда не буду счастлива, даже желать этого — безумие, страшно, мучительна жизнь. Как много людей страдают, не ощутив в жизни ничего, кроме скорби. Человек, видно, везде готов более на зло, чем на добро. Что за цивилизация, которая не делает людей ни великодушнее, ни справедливее. <...>

25 мая 1890 года. Здоровье мое неважно, но у меня еще сохранилось довольно энергии, чтобы забыть мою болезнь и действовать, как нужно. Я больше всего люблю себя за то, что во мне бес сидит и мне бывает весело. Нервная система доведена в настоящее время до последней крайности <...>

1 февраля 1900 года. Не стало моей бесценной дочери Любви. <...> Женская добродетель и честь — эта добродетель и есть семья. Радость забывается, а печаль никогда. Моя радость после смерти мужа была такой, как молния — блеснет для того, чтобы возвестить опять к грозе. <...> Я уже начала приближаться к старости, и отчасти это кажется мне странным! Я привыкла быть молодой, почему-то думалось, что старость не осмелится приблизиться ко мне. То есть, я, конечно, знала, что она должна наступить; точно так же, как знаю, что рано или поздно я непременно умру. Тем не менее оба эти соображения были весьма отвле-

* В копии ошибочно — 1896.

*Уважаемому дядюшке
Павлу Федоровичу
Островскому от автора.*

КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧЪ МИНИНЪ, СУХОРУКЪ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

(1611—1612).

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, СЪ ЭПИЛОГОМЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

А. И. ОСТРОВСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

==
1862.

ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ПЬЕСЫ «КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧЪ МИНИНЪ, СУХОРУКЪ» (1862)

С дарственной надписью П. Ф. Островскому:

«Уважаемому дядюшке Павлу Федоровичу Островскому от автора»
Центральный театральный музей, Москва

ченными, казались событиями чрезвычайно отдаленного будущего. И вот они подходят все ближе и ближе, а я встречаю их равнодушно. Я спрашиваю себя: есть ли во мне сожаление об отлетающей молодости и чистосердечно отвечаю: нет, мне ее не жаль.

А между тем меня не раз называли счастливой. Мою жизнь находили оригинальной, меня причисляли к разряду тех людей, которым все удается. Положим, далеко не все, но многое из того, чего я в разное время желала для себя лично, мне удавалось, люди приписывали мне запас энергии. (...) Следует помнить, что жить <нужно> не для себя одного, а всегда для кого-нибудь и для чего-нибудь.